

Дар. Давид Яковлевич. 16 сентября скончался в Ирааме. Многих ленинградских писателей, — из тех, кого принято было в свое время называть "молодыми", — эта весть ударила в сердце.

Давид Яковлевич Дар занимал на литературной карте Ленинграда гораздо большее место, чем какой-либо другой писатель. Занимал не написанными книгами, не публикациями в журналах, Дар был целым направлением в нашей местной культуре, сказать о котором в терминах литературной школы еще недостаточно, хотя именно вокруг него сложились в начале 60-х годов группа "горожан" /В. Вахтин, В. Губин, И. Ефимов, В. Марамзин/, Д. Я. Дар — это направление этическое и общественное, выраженное его личностью, броской и шумной, всегда честно, хотя иногда и чудачеватым образом. Каждый, кто знал его, легко может представить Дара персонажем волшебной сказки. Мир Дара был действительно сказочным, потому что человеческий талант, даже скромный, он воспринимал как чудо. Он был ненасытным чтецом — читал все, что приносили ему "девочки и мальчики", приносили и пренесли. Сказать, что он искал таланты всюду и умел их находить, — верно, но это еще не говорит о том наслаждении, которое он испытывал, когда в руки ему попадала талантливая рукопись. Он хотел, чтобы об ее авторе знали все, чужим талантом он гордился, за судьбу его тревожился, и переходил на мнительный шепот, когда ему приходилось говорить о неприятностях в жизни подающего надежды молодого литератора.

В свое время Дар провозгласил: НАША РОДИНА — СЛОВО. И это был шаг вперед. Ибо развешивал литературу кочетковского "кипяточка", литературу добрых побуждений, "умных мыслей" и пр. и пр. — все эти кипившие обоян, которые контрабандным путем ввозят в искусство посредственность,

эпигонство, безвкусицу, при засилье которой подлинная талантливость и мастерство кажется подозрительной аномальностью. По глубокому убеждению писателя, Слово в литературе — абсолютная достоверность, абсолютная достоверность Слова — и есть чудесное в искусстве. Не будучи ученым филологом, он подобно алхимику пытался найти состав СЛОВА. Он верил, что абсолютное в искусстве связано с чувственным началом, с искренностью, которое каждой похирует, со свободой, которую он понимал в духе "диких поэтов". В то время, как "художественный тип" многим кажется подозрительным, Дар знал о глубокой беззащитности таланта, странности его положения среди менеджеров литературы, его беспомощности вверху, где прекрасное, в лучшем случае, кажется подобием "серебрянки" — краской, — под слоем которой можно легко укрывать дефекты вещей и человеческих отношений.

Общественность Дара вытекала из этого понимания положения художника в обществе. И, как он полагал, литераторы должны быть солидарны именно поэтому. Поэтому он и считал себя в праве обращаться к другим с просьбой помочь тому-то и тому-то — приютом, рублем, устройством на работу... — и сам делил со многими своей скромный достаток. Молодость не склонна к благодарности, — и многие его воспитанники огорчали его. Но как отец бесчисленного семейства он находил утешение в других детях.

Последние годы жизни в России были для Д.А. Дара тяжелы. Он все больше расходился с коллегами из союза писателей. Нелегко было понять и новое поколение с его интеллигентизмом и аскетизмом — этих "интеллигентов с бипсцами", презирающих всякое покровительство и не нуждающихся в соболезнованиях. Для некоторых из них он был не рыцарем чувственного начала, а "язычником". Но дом его не стал пустым. Вечерние часы были расписаны до последнего. Он писал "Маленькие завещания" — книгу, которая была опубликована за рубежом.

Судя по доходившим сведениям, старый писатель остался таким же, каким его знали здесь. В одном из последних

писем он писал своей долголетней литературной воспитаннице о краткости отпущенного ему срока и сожалел, что повидимому так и не увидит вышедшей в свет ее первой книги.

И не увидел.

Б. Иванов